

Спекулянты делают Геннадия Хазанова счастливым

Владимир Назаров

Из кабинета Геннадия Хазанова я вышел в состоянии достаточной растерянности. Потому как оказались ненужными все мои домашние заготовки-вопросы, которые я намеревался задать безусловному королю смеха, возведенному на трон волей миллионов его поклонников. Я шел к Хазанову на интервью, как хаживал на его концерты, заранее радуясь удаче, предвкушая участие в пире остроумия и веселья. Не случилось...

ВЛАДИМИР АЗНАНСКИЙ

Моя ошибка заключалась в том, что я настроился на легкую и непринужденную беседу со студентом кулинарного техникума, а передо мной сидел художественный руководитель Театра эстрады. К сожалению, эти две большие разницы я разглядел не сразу, а лишь когда мой первый вопрос завис в воздухе. Вот он, этот самый вопрос:

— Геннадий Викторович, в прошлом году, в День святого Валентина, вы с экранов телевизора на всю страну объяснились в любви собственной жене Злате. Так ведут себя обычно очень нагрешившие мужья. Это называется заглаживание вины?

Хазанов не заблестел глазами, как я того ожидал, а посмотрел на меня с открытым недоумением. Я услышал:

— Было бы странно, если бы я в такой день объяснился в любви другой женщине. Сдаваться не хотелось, и я продолжал ерничать:

— Разумно. Для этого у вас остается в году еще 364 дня...

— Не в этом дело. Пошел четвертый десяток лет нашей совместной жизни. И мы твердо знаем, что каждый из нас нашел свою вторую половину. И если появляется какая-то возможность сказать любимому человеку о своих чувствах, надо ею воспользоваться. Разве в этом есть что-нибудь зазорное?

И тогда я принял единственно верное в сложившейся ситуации решение: круто переменяю тему и тональность беседы...

— Геннадий Викторович, кем только вы не были в своей жизни — начинали как конферансье в оркестре Леонида Осиповича Утесова, прославились на эстраде, снимались в кино, сейчас получили известность как актер драматический, да еще и худрук театра... Вы часом не несколько жизней проживаете столь частой и резкой сменой амплуа?

— Похоже, похоже... Хотя я, признаться, не думал об этом. А ведь действительно изменение образа жизни есть верный способ оттягивать старение.

— У вас в запасе есть еще много возможностей молодеть — вы, например, не пели в опере, не танцевали в балете...

— По своим данным я могу разве что спеть в балете или станцевать в опере... А если всерьез, род занятий человека часто бывает продиктован обстоятельствами или случаем. Вот примеры из собственной биографии. Я окончил Эстрадно-цирковое училище только потому, что меня не приняли ни в одно театральное учебное заведение. На последнем курсе Росконцерт объявил меня диссидентом. О работе на эстраде и речи быть не могло — слава богу, что из училища не вылетел. И тут позвонил Аркадий Хайт, сказал, что Утесов ищет конферансье, поскольку от него ушел Евгений Петросян... Так я стал конферансье, а затем Росконцерт меня «амнистировал», и я оказался на эстраде.

— А вы в самом деле были диссидентом?

венное начальство, когда в конце 70-х эмигрировал в Германию мой брат — немец по национальности.

— Что, однако, не мешало вам участвовать в самых-пресамых правительственных концертах. Я своими глазами видел, как хохотали буквально до слез на ваших выступлениях партийные бонзы первой величины, как аплодировали вам...

— И при этом относились к нам как к шутам, которым позволялось чуть больше, нежели всем остальным... Вообще эстрада была этаким островком относительной свободы. Нам позволялось быть в шажке от давящей всех идеологии, поэто-

Я пытался изменить свою жизнь.

Пошел к Юрскому в проект,

реализованный на сцене МХАТа, —

«Игроки-21», снимался в кино, вернулся

к сольным концертам... Прекратил

метания, когда мне предложили театр

и я наконец получил крышу над головой.

Случилось это 5 ноября 1997 года

Хазанов — мужчина...

хи о возможной отставке неминуемо убьют Бориса Сергеевича. И принял предложение лишь после его похорон...

— Геннадий Викторович, давайте к театру вернемся несколько позже. Понятно, что власти были заинтересованы в худруке, которого все знают, любят и так далее. Вам-то для чего понадобилось идти в начальники? Ведь вы же как «разговорник» №1 страны можете стадионы собирать...

— Во-первых, это заблуждение — никаких стадионов начиная с девяностых годов артист Хазанов, как и любой другой его коллега, собирать не мог. Тому много причин: денег у людей стало меньше, а магазинные полки ломились от товаров, выросла техническая оснащенность — появились не только хорошие телевизоры, но и видеомэгафоны... В общем, посещение эстрадных концертов перестало быть первоочередной задачей.

Были и другие, личные, причины. Видимо, мне стали тесными эстрадные рамки. И я уже в 87-м году вместе с Романом Виктюком делал спектакль, который назывался «Масенькие трагедии», где присутствовала театральная сценография, звучала музыка Дмитрия Шостаковича. К тому времени мне уже исполнилось сорок, и это была первая работа, свидетельствующая о внутреннем дискомфорте. Меня перестали устраивать литературные материалы, с которыми надо было просто выходить на эстраду даже в сольном концерте, про сборные я уже не говорю.

Так вот, в начале 90-х я понял: прежняя жизнь закончилась. И сразу же встал вопрос: что делать с новой? Количество гастролей увеличивалось, поскольку города, даже большие, выдерживали максимум два концерта. Надо было постоянно двигаться — перелетать, переезжать. А время бежит не в обратную сторону...

И еще я понял, что в лучшем случае до конца своих дней я буду ездить по городам и весям. Это в лучшем случае, поскольку объем работы резко уменьшился — о каких концертах может идти речь, когда мы вступили в период глобальных катастроф. И я ужаснулся, осознав собственные перспективы.

— Некоторые ваши коллеги с удовольствием зарабатывают неплохие деньги в ночных клубах, других подобных заведениях...

— Это не для меня, я вырос в другом времени. И потом, мой жанр предполагает непосредственный контакт со зрителем. Если я обращаюсь к человеку со словом, то как минимум должен видеть, что он меня слушает, а не ковыряет вилкой в тарелке.

Когда-то на коллегии Министерства культуры обсуждался вопрос: сколько ставок следует платить артисту за выступления на стадионе — две или три? Лев Борисович Миров настаивал на трех. «За что платить три ставки?» — раздраженно спросила министр Екатерина Алексеевна Фурцева. «За позор», — ответил Миров. Сколько же надо платить за выступления в ночных клубах?

ВИКТОР СКОЛЫНИН

Я пытался изменить свою жизнь. Пошел к Юрскому в проект, реализованный на сцене МХАТа, — «Игроки-21», снимался в кино, вернулся к сольным концертам... Прекратил метания, когда мне предложили театр и я наконец получил крышу над головой. Случилось это 5 ноября 1997 года.

— **Страшно было окунаться в незнакомое дело?**

— Страшно идти в благополучный театр. Наш же в силу разных причин буквально разваливался — в прямом и переносном смысле. Никуда не годилась архаичная сцена, прибавьте сюда отвратительные свет, звук, обшарпанные сиденья в зале, да и сам зал... С проектом полной реконструкции театра я пришел к Лужкову. Он сказал мне буквально следующее: «Ты сошел с ума, дешевле будет построить новое здание». С этими проблемами мы постепенно разобрались. Теперь в театре и свет, и звук соответствуют мировым стандартам, реконструирована сцена, не стыдно войти в зал.

Сложнее было решать задачи творческие. Дело в том, что в театр перестал ходить зритель. Театр пустовал или полупустовал. Концерт считался удачным, если продавалось 400—500 билетов, а в зале 1383 места. Абсолютный рекорд был установлен 15 мая 1995 года, когда в зал пришли... 13 человек.

— **И вы приступили к революционным преобразованиям.**

— К счастью, я довольно быстро понял, что, сохраняя театр как эстрадно-концертную площадку, его не вытащить из финансовой могилы. Наш зал слишком мал, чтобы заинтересовать шоу-бизнес. Значит, остается один лишь жанр — разговорный. Но в будние дни народ на эстраду не затанцует, а это значит, что мы будем простаивать четыре дня в неделю.

Я задал себе вопрос: на что пойдет зритель в будние дни? И сам нашел ответ: только на спектакль. А раз так, решил я, надо четыре дня в неделю отдавать спектаклям. И вот на четыре дня в месяц к нам при-

шел «Ужин с дураком». Затем американский продюсер Натан Слезингер предложил свой проект: привозить из Петербурга спектакль «Калифорнийская сюита», в котором заняты блистательная Алиса Фрейндлих и Олег Басилашвили. Это же подарок всей Москве. Мы поставили «Птицы», где играет изумительный грузинский актер Кахи Кавсадзе... И пошло, и поехало.

— **А ваши коллеги на всех углах кричали: «Хазанов истребляет эстраду».**

— Были такие вздорные и бездоказательные обвинения. Хотя за эстрадой мы оставили три самых притягательных дня в неделю — пятницу, субботу и воскресенье.

Новые порядки далеко не всем пришлись по душе. Обиделся на театр Миша Задорнов. Ему не дали дополнительного дня для репетиций, и он ушел, хлопнув дверью. Я сказал: жаль, но что поделаешь, придется обходиться без Задорнова. Через некоторое время Миша понял, что погорячился, и вернулся к нам...

Артисты эстрады привыкли, что театр их уговаривает, утвердились в мысли, что они нужнее театру, чем театр — им. Я твердо сказал: с этим пора кончать. Это касается всех артистов, включая артиста Хазанова. Никто не будет диктовать условий театру. И артист Хазанов не будет диктовать Хазановухудруку, как жить театру.

— **Геннадий Викторович, вы говорите о собственном жанре как об отживающем. Неужто это в самом деле так?**

— Вспомните недавние еще сборные концерты. К 8 Марта такой назывался «Вам, женщины», к 23 февраля — «Вам, воины». А пеклось такое зрелище просто: вокруг конференсье сбивалась группа из десяти-двадцати артистов. Попробуйте сегодня заманить зрителя на такой концерт.

Кроме того, артисты нашего жанра — люди, мягко говоря, не первой молодости. Смены в этом жанре нет. Пятнадцать лет назад заблестал на эстраде Михаил Евдокимов. А после него появился лишь Максим Гал-

кин, но он человек молодой, и пока как артист на номер, на сольный концерт еще не тянет.

— **А больше вы никого не назовете?**

— С удовольствием назвал бы, да нету их. А кое-кто из бывших коллег обвиняет меня во всех бедах жанра.

Мне вспоминается конец сезона 1998 года. Выступает замечательный артист Роман Карцев. И не делает сборов. Причин можно назвать множество: и возраст, и отсутствие свежего материала. Жванецкий, к которому он прирос пуповиной, давно занимается самообслуживанием. Как, впрочем, и остальные авторы, доказывая, что актерский труд в этом жанре не нужен.

— **Актеры привыкли к новым порядкам в театре?**

— Не все. Приезжает администратор Клары Новиковой, а наш директор показывает сверстаный план, где нет свободных дней. Обида. А я могу открыть вам книгу, в которой написано все, что будет происходить на сцене театра до 30 декабря 2002 года. И если завтра приедет в Москву Майкл Джексон и захочет выступить у нас бесплатно, он поставит меня в весьма затруднительное положение. Для него я смогу потеснить разве что актера Хазанова, с которым мне легко будет договориться.

— **Геннадий Викторович, что означает ваша должность — художественный руководитель?**

— Если коротко — человек, который определяет творческое направление театра. И этот человек вовсе не обязательно должен быть режиссером.

— **Но при желании может стать им.**

— Практически я занимаюсь режиссурой с первых шагов на сцене. Сольный концерт — это чистая саморежиссура. Я работал с Романом Виктюком, с Михаилом Левитиным и понял, что театральная режиссура требует театрального материала. И театральный режиссер на эстраде допускает серьез-

ные ошибки, выстраивает четвертую стенку...

Я и теперь принимаю самое активное участие в постановке спектаклей. И режиссеры, работая со мной, очень внимательно и с пониманием к этому относятся. Они часто со мной не соглашались, спорят, но не лишают меня права спорить с ними. Режиссерских амбиций у меня нет, и меня не интересует, чья фамилия значится на афише...

У меня вообще нет амбиций, выходящих за пределы Театра эстрады. И я никому в мире не завидую. Ни президенту, ни премьеру, ни олигархам...

— **Вас трудно увидеть на великосветских раутах...**

— Потому что я на них не бываю. Я не тусовочный человек, мне там просто скучно. Если меня посадить в режиссерских там презентаций, я через неделю заболею. Да и времени жаль, его катастрофически не хватает. Стыдно сказать, но я не видел михалковского «Сибирского дирижера», не видел «Хрусталева, машину» Германа, пропустил массу интересных театральных премьер.

— **А вам не грустно было навсегда уходить с эстрады?**

— Что значит «уходить»? Откуда я ушел? Отсутствие мое в передаче «Аншлаг» вовсе не означает, что я ушел. От сольных концертов я не ушел, с телевизионного экрана не ушел... Просто театр стал главным делом моей жизни.

— **Геннадий Викторович, вы играете в трех спектаклях да плюс еще сольные концерты. Не слишком ли большая нагрузка для художественного руководителя?**

— Пока выдерживаю ее. Видите ли, я трудолюбив, живу в театре и только театром, дома лишь ночую.

— **Какая новость вас может обрадовать?**

— Недавно узнал, что билеты в наш театр пользуются повышенным спросом у спекулянтов. По их негласному рейтингу мы занимаем в Москве третье место после «Современника» и концертного зала «Россия».